

Я радуюсь

А далеко ли нам до вечного?

«А далеко ли нам до вечного?» –
Спросил меня один поэт.
Я отвечала: « Нет, конечно! –
Всего какой-то километр!»

Глаза прищуриив, хитрый гений
Решил урок мне преподать:
«До вечности, друг, без сомнений,
Рукой подать, рукой подать».

В Париж

Вагоны в составы и дружно сквозь осень...
Холодные капли попрыгали с крыш
На рельсы, на листья, на инея просинь.
Напрасно... Они не увидят Париж...

Открою секрет вам: в последнем вагоне
Сидит безбилетник – таится, какмышь...
Я долго стою на озябшем перроне,
А сердце моё едет в отпуск, в Париж.

До мгновенья всего лишь века
И с судьбой разговор откровенный...
Неизбывной печали река –
Место встречи двух душ во вселенной.

И дрожат над водой голоса,
Им не скрыть вековое волненье.
Отражаются в грусти глаза,
Испытавшие счастья мгновенье...

Зимнее солнце

Звезда... моя, твоя – навеки,
Сияй алмазами снегов.
Я радуюсь, зажмурив веки,
Освободившись от оков...

Вокруг лишь царство перламутра,
Парит в лучах звезды Пегас...
С небес бриллиантовое утро
Мне на ладонь... Я в нём сейчас...

На ладонях земли Татарстана

Ночь в дороге. В тумане теряется время.
Тишина... Ты молчишь. Дети спят позади.
Через пару минут солнца выглянет темя,
Трели птиц оживают в рассветной груди.

На ладонях пейзажа земли Татарстана
Ранним утром любуюсь спокойной рекой,
Как с картины вдоль берега лебеди... Пара...
Хорошо так... Но сердце зовёт нас домой.

Its my life

Рваные джинсы и стильные майки,
Селфи на память и музыки драйв...
Пламя восторга в твоей зажигалке,
Пульсом во мне и в тебе «Its my life».

Яркие краски волшебных моментов...
Чудо и этот ночной мотылёк,
Что через бурные аплодисменты,
К небу взлетев, нас порадовать смог!

Старый мост

Обрастает травой старый каменный мост,
Сквозь асфальт пробивается ива
Молодая. В компании тонких берез,
Лебеды и колючей крапивы.
Через мост мы спешили когда-то гурьбой
К роднику – в благодатное место,
А сегодня меня мост зовёт за собой
В беззаботное доброе детство.

Дика

Рассказ

I

– Дика! Дика! – прильнул к стеклу четырёхлетний Юра, услышав за окном глухой ритмичный рокот.

– Дида! – следом за ним на деревянный подоконник шустро взобралась босоногая сестра – восьмилетняя Рита.

Дети радостно приветствовали своего дедушку Рифа. Тот в вечерний час подъехал к дому на стареньком ржавом тракторе, чтобы увезти скопившийся за день мусор из туго заполненных контейнеров. Утром во дворе был жуткий беспорядок из сухих листьев и веток. Дворник легко уместил его в плотные зелёные мешки.

Выйдя из машины, дед помахал Рите и Юре и, прихрамывая на больную ногу, направился к свалке пакетов, в которых затаилась осень.

От горячего дыхания детей оконное стекло покрылось заметной испариной. Сосредоточенный Риф погрузил один за другим мешки в тракторный прицеп. Остановился напротив знакомых окон и снова помахал детям. На несколько секунд его хмурое, напряжённое лицо наполнилось нежностью и добротой...

Но впереди ещё много дворов и мусорных баков. Борьба за чистоту сегодня только началась. Дед важно нахлобучил коричневую замшевую кепку на глаза. Залез в кабину автомашины, чтобы продолжить рабочий маршрут. Трактор взревел, заглушив лай собак и крики играющих во дворе детей. Медленно тронулся, волоча за собой балласт мусора и десяток мальчишек, которые, забавы ради, решили дружно прокатиться на рычащем транспорте. На бегу они отважно цеплялись за бордюр тракторного прицепа. С криками и хохотом мчались на свирепом «драконе».

Дед выглядывал из кабины, ругался, грозил кулаком! Один раз даже остановился, чтобы разогнать сорванцов. Но своевольный народец не унимался.

– Это мой дика! Это мой дика! – закричал в форточку Юра, встав на цыпочки. И заплакал. Сквозь отпечатки маленьких ладошек на запотевшем стекле было хорошо видно, как уезжает трактор. Но мальчишки всё никак не хотели слезать с него. А может, это разбойники, как в сказке «Снежная королева»?

– Не трогайте нашего диду! Не трогайте! – кричала и Рита вместе с братом.

Розалия, мама детей, прибежала на шум и, поняв в чем дело, рассмеялась:

– Ваш дика, ваш! Завтра, поди, с утра придёт. Не плачьте, не тронут мальчишки его. Кому он нужен? Вон, смотрите, отстали уже.

Озорники отцепились от кузова, когда неуклюжий трактор выехал на проезжую часть. Но Юра по-прежнему горько всхлипывал, размазывая слёзы по щекам грязным кулачком:

– Это мой дика! Мой дика!

Дед и вправду пришёл спозаранку. Ещё не было семи. Розалия быстро открыла дощатую дверь и юркнула под шерстяное одеяло. Дети спали на двухъярусной кровати, за шифоньером. Жили они втроём в своей квартире. Розалия была вдовой.

Риф принёс крынку парного козьего молока. Сел на скрипучий стул у изголовья ложа дочери. Сквозь утреннюю тишину послышался шорох – давняя привычка деда Рифа тереть указательный и большой пальцы друг о друга. Проявилась после смерти жены.

Розалия раздражённо произнесла сонным голосом, по-татарски: «Отец, чего пришёл?»

У Рифа с детства была нарушена речь: он заикался. Родные говорили, что это контуженый отец, вернувшийся с войны, напугал его. Однажды ночью стал палить из ружья в окна и двери по воображаемому немцам. С тех пор хождение по врачам и бабкам не восстановило речь деда. Особенно дефект речи проявлялся, когда он злился или нервничал.

Дед обиженно, картавя и заикаясь, спросил дочь, зачем она так говорит? Ведь если он умрёт – не придёт больше...

Розалия, окончательно проснувшись, смягчила тон:

– Не спишься тебе, – женщина принялась заправлять кровать, продолжая ворчать, – и нам спать не даёшь. И так всю неделю рано встаём.

Риф, немного успокоившись, задумчиво проговорил о том, что на том свете выпьемся.

Продолжил по-русски:

– Дощенька, ты квартиру продать хочешь?

Розалия ответила:

– Да. Хочу на дом поменять. Чтоб за коммуналку меньше платить. Всё-таки легче будет. Мне старый друг юрист поможет. Он уже занимается этим делом.

– Как его фамилия?

– Воронов. А тебе-то зачем его фамилия?

Дед снова перешёл на родной татарский, предупреждая дочь о мошенниках, которые сейчас повсюду. На что Розалия ответила:

– Этый, без тебя разберусь. Если ты безграмотный, четыре класса школы, это же не значит, что и я глупая.

– Дощенька, будь осторожнее. Пойду я, не провайай. Ирэтәгә тагын сөт алып киләм.¹

Дед встал и подошёл к детям, которые сладко посапывали во сне. Подоткнул одеяло с двух сторон: сначала у Юриных ног, затем у ног внучки. Рита открыла глаза и сонным голосом произнесла:

– Дида, ты опять нас кутаешь. Жарко же.

– Спи, деточка, спи, – ответил Риф по-татарски.

Постоял некоторое время возле внуков. Вышел из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь.

¹ Завтра приду. Ещё молока принесу. (татарск.)

– Дика заболел! – сообщил Юра матери, которая вернулась с работы в девять вечера.

– Что случилось? – Розалия быстро скинула с себя промокнувший от дождя плащ.

– Плохо ему, – мальчик потянул Розалию за длинный подол, чтобы привести к бабушке.

Женщина прошла в комнату. Она поняла, что, скорее всего, отец нетрезв. Риф спал.

– Этый! – позвала Розалия, слегка тронув за плечо.

Дед зашевелился. Зло и крепко схватил угол подушки. Начал яростно бороться с ней, будто с противником. Скрипел зубами, впиваясь ими в бордовую бязь – в воображаемое тело врага.

Розалия подошла к нему и погладила по спине. Она вспомнила, как покойная мать справлялась со вспышками гнева отца. Гладила мужа по плечам и рукам, приговаривая: «Дикий, ты мой дикий... Успокойся, дедушка, я вить знаю, что ты хороший человек». Как ни странно, это всегда действовало. Риф становился спокойным и покладистым... Вот и сейчас отец притих на некоторое время... Но через несколько минут вдруг сердито и невнятно пробормотал:

– Воронов, бухмать! Я тебя достану, сыволочь... Ты вернёшь квартира... Ууууу... Ненавижу!

Женщина присела на край табуретки и заплакала. Юра, увидев, что мама плачет, подбежал к ней:

– Лита! – позвал сестру, – иди сюда, эный плачет!

Рита, бросив уроки, подбежала к матери:

– Мама, мамочка, не плачь, – девочка гладила Розалию по худым рукам, огрубевшим от тяжёлой работы, – это ты из-за квартиры, да? Потому что нас дяденька обманул?

– Риточка, нам теперь негде жить. Это моя вина. Дедушка много раз предостерегал... Тяжело нам будет вернуть квартиру. Был бы жив Руслан...

– Да, папа бы нас защитил, но ведь дида нас не выгонит?

– Не выгонит, конечно. До суда у него жить будем. А дальше – как Аллах решит.

Риф сквозь сон гневно прохрипел: «Во-ро-нов...»

Розалия вытерла слезы и пошла на кухню готовить ужин. Нужно было успеть проверить уроки у дочери, искупать сына. Завтра на смену. А вечером – на другую работу: мыть пол в магазине автозапчастей...

Которую неделю Розалия спала урывками. Как можно было так глупо потерять крышу над головой? Ведь это всё, что у них есть.

«Вот бы сейчас оказаться в своей квартире. Навести там порядок и уют. Развесить фотографии, перестирывать бельё... Если бы не дети, давно бы опустила руки. Скоро суд... Надо бороться...» – думала Розалия засыпая.

Сквозь беспокойный сон женщина слышала, как отрезвевший дед вставал несколько раз. Подходил к детям, укутывал. Сам, видно, мёрз.

Проснулась от ворчанья отца, который, ругаясь, кормил голодного кота. Прошла на кухню.

– Этый, куда собрался? – налила горячий чай себе и Рифу.

– В горисполком пойду, за квартира хлопотать.

– Не ходи! Не позорься! Помнишь, как ты к Рите в школу приходил, из-за мальчишек разбираться... Ещё милицию вызовут!

Риф начал злиться, быстрее и быстрее шоркая пальцами в кармане. Вскочил со стула словно ошпаренный и неистово заговорил, бешено тряс руками перед лицом дочери. Он говорил о том, что это ты, женщина, потеряла квартиру, поэтому должна молчать теперь и не лезть в его дела. О том, что под лежащий камень вода не течёт и нужно сейчас надеяться лишь на себя. О том, что он жить будет в горисполкоме, а квартиру детей не отдаст этой гниде, и пусть все его дураком называют. Много чего говорил: по-татарски и по-русски...

Розалия испуганно замолчала: спорить с отцом было бесполезно.

Много дней Риф обивал пороги высокопоставленных чиновников. На ломаном русском языке, заикаясь, рассказывал о беде, в которой оказались его родные дочь и внуки. Пытался добиться правды и справедливости. Результата не было.

Образованные люди отказывались воспринимать и понимать его, малограмотного татарина. Под всяким предлогом пытались отмахнуться от неприятного посетителя. А Риф, сам того не замечая, от безысходности, часто переходил на повышенный тон. Нервничал и жестикулировал. «Снова этот дикарь пришёл», – говорили про него. Один раз даже кто-то вызвал милицию. Но через три дня дед, хромая и кашляя, уже поднимался по крутой бетонной лестнице, ведущей в кабинеты, где решались человеческие судьбы.

Теперь даже гардеробщица в вестибюле администрации здоровалась с этим чудаковатым дедом, который приходил сюда, как на работу.

В тот день Риф, уставший и огорчённый, понуро вышел из приёмной мэра: получил очередное желание обратиться в суд, а сюда больше не приходилось. Сел на скамейку, опустил голову. От бессилия и отчаяния закрыл лицо руками... Очнулся от прикосновения.

– Отец, с тобой всё в порядке?

Над Рифом склонился высокий интеллигентный мужчина лет тридцати. Риф утвердительно махнул головой.

– Пройдёмте ко мне, я вам воды налью.

В кабинете мужчина, представившись Равилом Ильдаровичем, попросил Рифа рассказать, почему он видит его здесь так часто. Дед бессвязно начал рассказывать о Воронове, своей дочери и маленьких внуках, которые остались без жилья. Через несколько минут Равил Ильдарович заговорил на татарском. Попросил деда перейти на родной язык, потому что так будет легче понять его.

Обрадованный Риф легко согласился.

Равил Ильдарович, выслушав деда от начала до конца, уверил его в том, что это дело он возьмёт под личный контроль, его адвокат проверит отдел опеки и законность сделки.

Рябое лицо Рифа озарилось широкой беззубой улыбкой. Морщины как будто разгладились: дед на глазах помолодел! Протянул ладонь депутату со словами благодарности. При этом дед поинтересовался, почему Равил Ильдарович помогает.

Равил Ильдарович обнял старика за плечи.

– Мы должны уважать стариков. Люди должны помогать друг другу. Всё возвращается бумерангом: и добро, и зло, – так мне отец говорил. Вы на него очень похожи.

Прошёл месяц. Зимним вечером по скрипучему снегу шли четыре пары ног: Розалия с двумя

детьми и Риф, навьюченный котомками. Женщина не верила своему счастью. Через несколько минут для них откроется дверь родной квартиры. Суд был выигран. Связи мошенника Воронова оказались бессильны. Равил Ильдарович помог, подключив своего адвоката.

На пороге Розалия произнесла:

– Если бы не дедушка, не вернулись бы мы сюда!

Риф, осматривая обшарпанные стены, радостно объявил, что скоро они все вместе будут делать ремонт!

Юра, крепко держа Рифа за указательный палец, прошептал: «Когда я выласту, я стану как ты... Мой дика!»